

My Music, My Love

Play by Eduard Schmieder (fragment)

Translation into Russian © Eugene Alper

[Lights change. Brahms begins to reflect again, reaches out his hand to empty air] Mama, Papa... In the Hamburg tenements, we grow up fast. We live in a tiny, miserable flat in a ramshackle building, with Mrs. Gottlieb's washing hanging out of her window and prostitutes lounging in front.

[He speaks with increasing intensity, horror growing on his face] At night, I play the piano in the Hamburg whorehouses. The sailors come in, drunk, lusting for the women. *[Painfully, he grips the back of a chair]* Unwashed bodies, cheap wine and stale food—the stench sickens me. I play for the whores' obscene songs. I prop a book on the piano so I can read while I play. *[He acts out his words]* I read a lot of good books—when I'm not otherwise distracted.

[He starts to chuckle, ends on a half-sob] The women are only half-clothed. They take me on their laps and caress and excite me. *[His voice breaks with agony]* I am—still a child. *[He abruptly snaps back to present, throws the chair down, snarls in a burst of fury]* This was my first impression of women's love. After that, should anyone expect me to honor them, cursed as I was with such a childhood? *[He makes his hands into claws, stares at them]* My hands are soiled; I am unfit to touch a decent woman. *[He straightens, picks up the chair, makes a mock bow]* But I am always courteous to prostitutes.

(Свет меняется. Брамс погружается в воспоминания, вытягивая руку в пустоту.) Мама, папа... В трущобах Гамбурга мы так быстро взрослеем. Мы живем в крошечной, запущенной квартирке полуразвалившегося дома, и белье фрау Готтлиб вечно болтается перед нашими окнами, а внизу девицы легкого поведения поджидают своих клиентов.

(С возрастающим волнением.) По вечерам я играю на пианино в публичных домах Гамбурга. Я помню, как пьяные, похотливые матросы вваливаются толпой и как их встречают напомаженные женщины. *(Внезапный приступ боли заставляет его схватиться за спинку стула.)* От запаха немых тел, дешевого вина и несвежей пищи я чувствую, что меня тошнит. Но я играю, я стараюсь изо всех сил аккомпанировать этим вульгарным женщинам, горлающим непотребные песни. Иногда я пытаюсь уберечься от всей этой низости и умудряюсь читать в рабочее время. Да-да, именно так! Я ставлю на пианино книгу и читаю, в то время как мои руки автоматически играют какие-то пошлые аккорды. *(Показывает.)* Удивительно, но таким образом я прочитываю довольно много хорошей литературы. Конечно, когда меня не отвлекают другие вещи.

(Со смехом, переходящим почти в рыдание.) Женщины-то одеты только наполовину. Иногда они сажают меня к себе на колени и гладят и ласкают... *(С мукой в голосе.)* Ведь я почти ребенок. *(Резко останавливается, как бы возвращаясь в настоящее, с грохотом падает стул.)* Таково было мое первое знакомство с женской любовью. После такого детства, разве нужно удивляться, что во мне нет ни капли уважения к ним? *(Смотрит на свои руки.)* И потом мои руки в грязи, и я бы не смел коснуться ими достойной женщины. *(Поднимая стул и церемонно кланяясь.)* Но зато я всегда вежлив с проститутками.

[He laughs without humor] Not to every woman. Tonight another society dame accosted me, wanting a lock of my hair. Bah! What silly nonsense. She asked if I was married. “Alas, Madam,” I told her. “I am still unmarried—thank God!” *[He mimics a woman’s voice]* “How do you write such divine adagios?” one asked. “Well,” I said, “my publisher orders them that way.” Frau Heinrich asked me to suggest one of my lieder for her to sing. I suggested that she try some of my posthumous songs. “And which?” she inquired politely. Tuesday, I laughed myself sick; Rubenstein had to sign 200 autographs for the Ladies’ Singing Association. Better my ladies of the Vienna streets—Elschen, Gretel, Eva—they lend comfort to an old man. I find their view of life simple, quite refreshing, and they make no demands on me. Except, of course, for their wages. *[His voices rises]* Ach! All women are whores! *[Hastily]* Except Clara Schumann, of course.

(С горькой усмешкой.) Со всеми женщинами вежливым быть невозможно. Сегодня вечером, например, одна светская дама набросилась на меня, требуя от меня локон моих волос! Ну, не глупость ли? И после еще спросила, женат ли я. «Увы, мадам, – говорю я, – все еще холост, слава Богу!» А другая меня спрашивает *(женским голосом)*: «Как вам удается писать такие божественные адажио?» Я говорю: «Это меня издатель заставляет!» Одна певица, фрау Генрих, попросила посоветовать ей для исполнения какую-нибудь из моих песен. Я предложил ей попробовать какой-нибудь из моих посмертных опусов. А она, и глазом не моргнув, так вежливо спрашивает: «А какой именно?» А во вторник я хохотал до упаду: мне рассказали, что Рубинштейн по доброте души согласился дать автографы Обществу любителей вокальной музыки, а их там оказалось двести человек! Нет, уж лучше мои дамы с венских улиц – Эльхен, Гретель и Ева – вот кому я обязан истинным утешением в моём преклонном возрасте. У них простой и ясный взгляд на мир, невзыскательные, но точные суждения и, главное, они ничего от меня не требуют. Кроме, конечно, их небольшого заработка. *(Повышая голос.)* Эх, все женщины – шлюхи! *(Спохватываясь.)* Кроме Клары Шуман, разумеется.